

ТЕМА НОМЕРА

В.А. Ачкасов

V. Achkasov

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ КАК РЕСУРС В БОРЬБЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

SECURITIZATION OF MEMORY POLICY AS A RESOURCE IN THE STRUGGLE IN THE INTERNATIONAL ARENA

Аннотация

В статье отмечается, во-первых, что политика памяти, как и политика идентичности открывают широкую арену для деятельности политических антрепренеров, стремящихся манипулировать коллективной идентичностью, представляя ее вполне определенным образом и апеллируя к ней для достижения собственных целей; во-вторых, что в современном мире произошла секьюритизация политики памяти и политики идентичности. Секьюритизация политики памяти понимается как ее определение в качестве объекта, которому угрожают политические акторы, как внешние, так и внутренние, что используется для легитимации внешнеполитического курса, обоснования притязаний на сохранение роли в мировой политике, которое происходит за счет обращения к негативной идентичности, которая строится по схеме «мы не такие-то» и содержит неприятие или отрицание того или иного политического объекта и/или тотальное противопоставление "нас" – "им". Таким образом, для секьюритизации настоящего активно используется «изобретенное историческое прошлое», чему предшествует дискурсивное конструирование этих «событий прошлого». Одним из практических следствий этого являются «войны памяти», развязанные странами «коллективного Запада», в которых используется препарированное прошлое для легитимации существующего, кризисного международного порядка, обеспечивавшего их доминирование в мире.

Abstract

The article notes, firstly, that memory politics, like identity politics, opens a broad arena for political entrepreneurs seeking to manipulate collective identity, presenting it in a specific way and appealing to it to achieve their own goals. Secondly, the securitization of memory politics and identity politics has occurred in the contemporary world. The securitization of memory politics is understood as its definition as an object threatened by political actors, both external and internal, which is used to legitimize foreign policy and justify claims to maintain a role in world politics. This occurs through appeals to a negative identity, which is constructed according to the "we are not this or that" model and involves rejection or denial of a particular political object and/or a total opposition between "us" and "them." To securitize the present, an "invented historical past" is actively used, preceded by the discursive construction of these "past events." One of the practical consequences of this is the "memory wars" unleashed by the countries of the "collective West," in which a dissected past is used to legitimize the existing, crisis-ridden international order that ensured their dominance in the world.

Ключевые слова:

секьюритизация, политика памяти, идентичность, политические антрепренеры, Россия, «коллективный Запад», Украина, кризис современного миропорядка.

Key words:

securitization, memory politics, identity, political entrepreneurs, Russia, "collective West", Ukraine, crisis of the modern world order.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-1-6-19>

Понятие исторической памяти и национальной идентичности неотделимы друг от друга, между ними существуют отношения тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Подчеркивая это обстоятельство, Я. Ассман определяет «идентичность» как «политическое воображение», обусловленное «культурной памятью» (Assmann, 2004, с. 15). В свою очередь, по известному утверждению Э. Хобсбаума, «прошлое и есть то, что создает нацию» (Hobsbawm 2002, с. 332). Действительно, идентичность укоренена в исторической памяти, идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти. Более того, манипуляции с историей являются важнейшими легитимизационными практиками. Любое государство осуществляет, с разной степенью эффективности, политику нациестроительства, опирающуюся на определенные символы, идеи общей для граждан героической или трагической национальной истории (излагаемой на языке, имеющем статус «национального», и их тесной связи с государством в его ныне существующей форме). Можно утверждать, что политика памяти, языковая и символические политики закладывают основы политики идентичности. Таким образом, манипуляции исторической памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью. При этом образы исторического прошлого и варианты их интерпретации часто вступают в конфликт и конкурируют не столько на академическом поприще, сколько в борьбе элит за власть и политическое влияние.

Сегодня по мере распространения «глобальной культуры памяти», политическая инструментализация прошлого и вырванные из исторического контекста аналогии с ним превратились в повседневное явление, не только в средствах массовой информации, но и в дискурсе политических элит. При этом историческая память рассматривается, прежде всего, как дискурсивная конструкция, посредством которой в политическую жизнь вносится ценностное измерение, поскольку отсылки к событиям национальной истории и национальной традиции придают высший, непрагматический смысл нашей жизни, конкретным политическим действиям.

Одновременно посредством обращения к прошлому осуществляется легитимация властных решений, делигитимация позиций оппонентов, мобилизация политической поддержки. А. Ассман особо отмечает, что политическая память формируется «сверху» и представляет собой долговременную и унифицированную конструкцию, которая подкрепляется институтами (Assmann, 2014, с. 35). В свою очередь, национальная память как историческая модификация политической памяти, обладающая по сравнению с предшествующими историческими формами большей темпоральной длительностью, сохраняет ведущую роль в легитимации социальных институтов и конструировании социально-политической преемственности (Assmann, 2006, р. 210-226). Поэтому, столкновения по поводу исторических нарративов очень часто происходят не для выяснения исторических истин, всестороннего и объективного описания событий прошлого, а являются борьбой за политическое господство посредством символического господства того или иного толкования «национальной истории». Могут быть достигнуты и иные цели: передача исторического опыта; поиск и обнаружение в прошлом тех или иных исторических «уроков» и прецедентов, наконец, конструирование идентичности. При этом, по справедливому замечанию М. Расмуссена, «прошлое было не менее сложным, чем настоящее», однако оно «упрощается» дискурсивно, так как «путем конструирования простого прошлого мы упрощаем и настоящее, тем самым создаём императив действовать определенным образом» (Rasmussen, 2003, р. 505).

Большинство исследователей подчеркивают полифункциональность политики памяти и политики идентичности, которые могут пониматься «...и как способ конструирования внешнеполитического имиджа государства (ресурс его самопрезентации), и как механизм общенациональной консолидации на основе конструирования гражданской политической идентичности, и как ресурс внутривнутриполитических трансформаций в обществе» (Bushuev, Nechaev, 2013, р. 18), и как средство борьбы правящей элиты с оппозиционной, и как инструмент формирования образа врага и продуцирования межгрупповых и межгосударственных конфликтов. При этом, как утверждает А. Ассман, вопросы: «Кто остается за границами культурной памяти? Каковы принципы включения и исключения?» неминуемо связаны с вопросами владения и удержания власти; это значит, что изменения во властных отношениях будут также вызывать и изменение в структуре культурной памяти (Assmann, 2009, р. 35). Поэтому, особо отметим, что «коллективное вос-

поминание» о событиях прошлого актуально и востребовано лишь тогда, когда оно вписывается в современную структуру групповых интересов. В силу чего «историческая память, – согласно парадоксальному утверждению Пьера Нора, – всегда настоящее» (Nora, 1994, p. 289).

Действительно, ссылаясь на важные исторические прецеденты и «уроки прошлого», субъект секьюритизации может использовать их, чтобы извлечь, из совершенных в прошлом ошибок, уроки и легитимировать использование экстраординарных средств здесь и сейчас, подобно тому, как это уже «было» или «не было» сделано в прошлом. Разное актуализируемое в дискурсе прошлое может иметь и разные функции/задачи: как правило, обращение к давнему прошлому призвано порождать глорификацию и героизацию, а обращение к событиям XX-XXI вв. – виктимизацию. Особенно большое значение в первом случае имеет идея происхождения – «эта профанированная версия мифологического повествования, которая позволила сохранить обществу, идущему дорогой национальной секуляризации, потребность в сакральном. Чем более великим было происхождение, тем больше оно возвеличивало нас. Ибо мы восхваляем себя, восхваляя прошлое» (Nora, 1999, p. 35-36).

Актуальность могут получать и также подвергаться секьюритизации такие проблемы как: обретение/утрата политического суверенитета, ирредентизм, территориальный спор, требования повышения политического статуса группы, получение культурных и иных преференций, сохранение своего «национального лица», связанного с угрозой национальной идентичности и традиционной культуре и т.д.

Однако, прежде всего, речь идет о «воспоминаниях о предыдущих войнах, поражениях и победах», исторические аналогии с которыми способны обеспечить возможность придания важным современным проблемам статуса «сакрального» и даже «экзистенциального». При этом дискурс секьюритизации, чтобы достичь цели, должен резонировать с существующими мыслительными конструкциями, присутствующими в коллективной памяти. Именно поэтому социальный психолог С. Московичи относит к укорененным социальным представлениям не любые идеи, теории и взгляды, транслируемые элитами, а лишь те, которые входят в сферу обыденного сознания, становятся продуктом «здорового смысла», формируют «практическое сознание», регулируют повседневную жизнь людей (Moscovici, 1992, p. 89). В частности, эскалация напряженности возможна в тех случаях, когда группа-

референт склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «чужих» групп». В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается и осознается участниками конфликтов. «При этом, не имеет значения, реальны эти угрозы или нет: согласно теореме (или аксиоме) Томаса, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим практическим следствиям». Иначе говоря, реальность угрозы определяется присутствием данной проблемы в дискурсе безопасности. При этом, угрозу конструируют, согласно теории секьюритизации, не представители референтного объекта, а от его имени это делают агенты секьюритизации – политические элиты.

Поэтому особенно значимой является проблема восприятия референтной группой тех угроз (реальных и мнимых), которые существенны для сохранения ее самобытности. Результатом может стать политическая ловушка, когда эпизоды межгрупповых и международных конфликтов как в прошлом, так и в настоящем влияют на индивидуальную и социальную идентификацию, закручивая спираль размежевания и укрепляя групповые границы, которые из «воображаемых», все больше могут превращаться в объективно существующие.

В итоге стороны начинают представлять свои противоречия с противостоящей группой как серьезную и реальную угрозу безопасности для членов данного сообщества в целом, угрозу их идентичности. Эти ощущаемые (приписываемые или провоцируемые) угрозы могут послужить стимулами для упреждающей атаки или, по крайней мере, для политической мобилизации, которая, в свою очередь воспринимается или интерпретируется лидерами другой группы как угроза уже их безопасности. Это порождает мобилизационную спираль, и может привести к началу насильственных действий. Таким образом, «усилия каждого из участников по обеспечению собственной безопасности приводят, напротив, к возрастанию вероятности вооруженного столкновения» (Rosen, 1993, p. 103-104). Одновременно может происходить целенаправленная дегуманизация противостоящей стороны, что сочетается с призывами к устранению, очищению своей нации/общности от представителей враждебной группы, их культурного влияния: «очистить тело нации», «удалить раковую опухоль» и т.д. Конструирование образа «радикально другого» поддерживается логикой дихотомии, – отмечает Н. Карпентье, – тогда как декларирование отсутствия общего пространства порождает ди-

станцию. В крайних случаях это радикальное различие ведет к дегуманизации и демонизации другого и отрицанию его основных человеческих характеристик, что делает уничтожение другого не только более легким, но и даже необходимым» (Carpentier, 2017, p. 12).

Подобная практика почти всегда сопровождается активизацией негативной исторической памяти, когда в политическом дискурсе отдельные реальные и вымышленные события прошлого экстраполируются на противостоящую группу в настоящем и будущем, закрепляя негативные стереотипы и нормы, оправдывающие, в том числе, применение насилия против противника, тем самым, формируя метафорическую или мифологическую легитимность насилия. Н. Карпентье выделяет ключевые моменты, которые определяют основные характеристики такого антагонистического дискурса: 1) конструирование радикального отличия врага; 2) гомогенизации своей общности в противоположность общности врага; 3) обоснование необходимости уничтожения врага (Carpentier, 2017, p. 172). Более того, зачастую «образ врага» наделяется онтологическим статусом. «Противостояние, пронесенное сквозь века, неизбежно воспроизводится и в последующих поколениях, так как состояние вражды, зависящее от конкретной политической ситуации, воспринимается как перманентное, сущностное состояние, генетически присущее социуму, обозначенному как вражеский» (Rumyantsev, 2011, с. 334).

При этом, по мнению ряда исследователей: «Величина насилия в конфликтах идентичности детерминирована остротой восприятия угроз групповой безопасности на массовом уровне, интенсивностью групповой неудовлетворенности, масштабами институциональной поддержки, в совокупности являющимися условиями начала открытого противостояния» (Роров, 2015, с. 146).

Несомненно, что политика памяти, как и политика идентичности открывают широкую арену для деятельности «политических антрепренеров», стремящихся манипулировать коллективной идентичностью, представляя ее вполне определенным образом и апеллируя к ней для достижения поставленных ими целей. Поэтому не случайно, что не только исследователи, но и некоторые политики выражают обеспокоенность последствиями политики идентичности, которые приводят к фрагментации социумов, кризису национальной идентичности и росту международной конфликтности. Известный американский политолог Ф. Фукуяма пишет: «Все более активная политизация проблемы идентичности представляет одну из главных угроз для современных либеральных демократий..., поскольку она «...распространилась и на коллективные

и нелиберальные формы идентичности – такие как нация и религия, поскольку люди часто хотели не признания своей индивидуальности, а признания своей тождественности другим» (Fukuyama, 2019, с. 23, 137).

Более того, сегодня можно уверенно утверждать, что в современном мире произошла тотальная секьюритизация политики памяти и проблем идентичности, иначе говоря, их концептуализация как сфер, непосредственно связанных с вопросами обеспечения национальной безопасности. Государства/правящие элиты уверены, что их идентичность требует защиты, и потому лидеры государств стремятся к согласованию политики национальной безопасности с ответом на вопрос «кто мы?». В результате защита собственной идентичности представляется критически важной уже для выживания государства.

Действительно, историческая память может служить, как референтным объектом секьюритизации (то есть объектом, который необходимо защищать от «угрозы извне и изнутри»), так и облегчать секьюритизацию иных сфер, в частности, путем использования исторических аналогий. Использованию исторической прошлого для секьюритизации настоящего предшествует дискурсивное конструирование «события прошлого» - отбор совокупности фактов, организованных в исторический нарратив. Практическим следствием этого, во-первых, являются «войны памяти», связанные с использованием прошлого для легитимации существующего, кризисного международного порядка путем создания на этой основе ценностно-политического нарратива и конфликтного взаимодействия мнемонических акторов по поводу, находящихся под угрозой, исконных ценностей (Miller 2020); во-вторых доминирование дискурса «мнемонических воинов», имеющих претензию на наличие у них исключительного права на интерпретацию прошлого, не допускающую принятия существования других его интерпретаций (Bernhard, Kubik, 2014, p. 4).

Отмечая эти радикальные перемены известный британский социолог З. Бауман в своей последней прижизненной книге «Ретропия» образно писал о «меняющемся направлении полета Ангела истории», обращающегося от будущего к прошлому и «глобальной эпидемии ностальгии», которая в отсутствие прогрессистской универсалистской перспективы заставляет общества обернуться вспять и двигаться в сторону естественного состояния войны всех против всех («Назад к Гоббсу»)... (Bauman, 2019).

Действительно, политические элиты ведущих стран Запада увидели выход из ситуации «нового мирового беспорядка» (Р. Брунейкер) и кризиса

«мега-идентичности «Запада» с его так называемыми демократическими и индивидуалистическими ценностями и глубоким чувством абсолютного превосходства над всем остальным человечеством» (Ж. Корм) на пути переопределения России как внешнего по отношению к «демократическому обществу» «Значимого Другого», конфронтации с ней и реанимации «образа исторического врага», представляющего экзистенциальную угрозу всей системе международной безопасности. Реальность этой угрозы определяется постоянным присутствием данной проблемы в дискурсе безопасности. При этом, согласно теории секьюритизации, угрозу конструируют, не представлятели референтного объекта, а от его имени это делают агенты секьюритизации – политические элиты.

Как можно утверждать, не случайно этой конфронтации предшествовала радикальная ревизия истории Второй мировой войны и особенно сверхусилия, сначала по преуменьшению вклада Советского Союза в победу над фашизмом, которая признана «мифом основания» для современной России, а затем по возложению ответственности за начало Второй мировой войны не только на нацистскую Германию, но и на Советский Союз и представление этой войны как схватки «двух тоталитаризмов». Причем немалую роль в переопределении позиции объединенной Европы по этим проблемам играли страны бывшего социалистического лагеря - наши ближайшие соседи, для которых собственная европейская идентичность во многом определялась через тотальное отторжение России.

Сегодня общеизвестно, что наиболее востребованным в политике памяти посткоммунистических государств является «образ трагического героя, освободившегося от ига и угнетения ценой огромных жертв и выстрадавшего свое право на свободу и демократию». Отсюда крайне негативная интерпретация практически всей истории СССР, «лагеря социализма» и, напротив, позитивная оценка его распада. На этой базе правящие элиты стран региона осуществляют стратегию строительства, так называемой, «новой Центральной Европы».

В ее реализации особенно востребованным (прежде всего в Польше, Украине и странах Балтии) стало понятие «Bloodlands», предложенное историком из Йельского университета Т. Снайдером в монографии «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» (Snyder, 2010). Этот термин обозначает все земли, находящиеся между Германией и современной Россией и номинирует народы стран сконструированного региона в качестве

жертв двух «кровавых режимов». Так, в рецензии на книгу Снайдера резонно утверждается, что в последние годы Центральная Европа «переизобретается» снова, как заслон («санитарный кордон» - 1920-30 гг.) западной цивилизации от российской угрозы. «Центральная Европа» транслирует, прежде всего, (старый) культурный миф о своей цивилизационной несовместимости с Россией. При этом в «Центральную Европу» теперь включают Украину и Беларусь, тем самым отрывая их от России, маркируемой как не-Европа (Rizhkovskiy, 2010).

В целом история посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в современном нарративе выглядит как своеобразное перманентное «бегство от неевропейской России», причем, используя старый концепт Восточной Европы, стремятся теперь к исключению из Европы только России и укоренению тех самых различий, которые более двух веков поддерживали западноевропейскую идентичность. Польский писатель Земовит Шречек еще в 2014 году эту тенденцию описал с помощью метафоры «Мордора»: «...по западному представлению Восточная Европа – это Мордор. И Польша, и Румыния, и даже Чехия, все. Все это край болота, край беспорядка, край-сосед Европы, но это не Европа, это что-то другое. И сейчас, когда каждая постсоветская страна хочет войти в Европу, она этот Мордор видит в других странах, восточных странах. ... для поляков это будет Белоруссия и Украина и даже Литва. Для литовца и украинца это будет Россия. И этот Мордор – воображаемая страна, которой нет, но которую все боятся. Мордора нет, на карте его никто не найдет, но в головах Мордор есть» (Zharebkina, Zharebkin, 2019, с. 14).

Конфликт на территории Украины превратил бывшую Восточную Европу в своего рода «прифронтовую» зону НАТО: количество размещенных в регионе воинских контингентов стран Альянса значительно выросло, инфраструктура стала активно использоваться для переброски вооружений Киеву. При этом и страны ЦВЕ оказали Киеву очень существенную военную поддержку. Стремительным был и рост милитаризации ЦВЕ, который проявился в увеличении военных бюджетов стран региона, и в амбициозных планах восточноевропейских политиков, особенно польских. По данным Стокгольмского международного института проблем мира в 2021-2022 гг. военные расходы стран ЦВЕ выросли на 58%, составив 135 млрд долл. Неофициальным лидером этого марафона является Польша, анонсировавшая создание самых многочисленных сухопутных войск в Европе (Belinsky, 2024, с. 33, 34). По мнению некото-

рых экспертов «нынешний кризис, связанный с украинскими событиями, привел к тому, что страны ЦВЕ приобрели некоторые черты политической субъектности, и вышли из тени традиционных лидеров ЕС - Германии и Франции. Однако это, как представляется, явное преувеличение.

Можно, в связи с этим, вспомнить, что еще совсем недавно многие западные исследователи писали о формировании поствестфальской системы международных отношений, публично декларирующей в качестве нового принципа ее построения верховный суверенитет человеческой личности и главенство прав человека над национальным суверенитетом. Однако реально действующим принципом этой системы стало избирательное признание легитимности государств, что предполагает как существование властной элиты, санкционирующей эту легитимность, так и появление особой группы «стран-изгоев».

Верхушка этой иерархии – великие державы Запада не только надеются на себя этим «священным правом», но и обладают техническими возможностями для осуществления властных полномочий, связанных с приведением статуса государств в соответствие с формируемой ими политической реальностью. Причем, право на управление миром открыто декларируется не только политиками, но и учеными западных «великих держав». Действительно, многие известные историки, политологи и экономисты, прежде всего, Соединенного Королевства и США, как консерваторы, так и либертарианцы, такие как Н. Фергюсон, Р. Купер, С. Курц, Д. Лал, С. Маллаби, М. Бут, М. Игнатъев и др. сегодня отстаивают мысль об особой миссии западных держав по поддержанию мирового порядка и воплощению идеи прогресса, если не по созданию современного мира как такового (Saccarelli, Varadarajan, 2015; Lal, 2010; Ferguson, 2013; D'Souza, 2015).

Более того, по мнению представителя английской школы международных отношений Х. Булла, великие державы несут особую ответственность за поддержание мирового порядка и, если потребуется, могут и даже должны отклоняться от некоторых существующих правил, но только чтобы сохранить всеобщий мир и стабильность. Остальные государства в подобной системе признают за великими державами эту обязанность и ожидают, что они будут ее выполнять, когда возникнет в этом необходимость (Bull, 2002, p. 196). Если же кто-либо, из не принадлежащих к «клубу великих держав», не признает за ними это право, то получает статус «государства изгоя» или даже «врага свободного мира», в отношении которых можно применять любые санкции. При этом, «отклоняющиеся общества» ... критикуются в рамках дихотомии норма -

патология. Варьируют только ключевые бинарные оппозиции: «демократия – тоталитаризм», «варварство – цивилизация», «друг – враг», «свобода – рабство», «современность – архаика» и т.д. (Fishman, 2024, с. 221). При этом оперируют эпизодами из истории и политики государства изгоя, которые считаются постыдными и неприемлемыми с точки зрения этики и международного права или прямо прибегают к исторической фальсификации.

Созданная в результате этих усилий, пропагандистская модель сплочения на основе «stigma management» и негативной исторической памяти, а также линейная модель передачи смыслов сверху вниз, что можно назвать «навязанной памятью» (Riker 2004), радикально отличается от диалогической модели, построенной на многочисленных обратных связях. Она порождает в западном сообществе не гражданскую солидарность, а ситуацию объединения на негативной основе - против общего врага – «российской угрозы», которое становится главным условием ориентации в мире, задает поле и горизонт понимания «значимых других». Здесь, конечно, нет и речи о конструктивной солидарности, зато есть деструктивная, провоцирующая мощный заряд социального напряжения, поскольку основная функция «образа исторического врага» нести представление о том, что он является угрозой самому существованию общности, угрозой её базовым ценностям. В силу этого «враг» становится важным мобилизационным фактором, побуждающий всех членов сообщества сплотиться ради обеспечения национальной безопасности.

Как пишет наш бывший соотечественник, стремящийся стать «большим католиком чем Папа Римский»: «Российская элита часто настаивает на том, что Россия должна быть великой державой, иначе она погибнет, ... В этом контексте статус великой державы преподносится как единственное спасение от неминуемой катастрофы, а внешняя политика становится на службу выживания страны (к чему Западные великие державы, как правило, не прибегают) ... Однако, если Россия заявляет, что она является великой державой и последним оплотом международных традиций и морали в системе, которая больше не способна признать и оценить ее роль, то ... в глазах западных стран она скорее выглядит как токсичная ревизионистская держава, что естественно(!?)» (Reshetnikov, 2024, с. 10, 37). Причем, сегодняшнее противостояние с Россией часто рисуется как уходящее в глубины истории и неизменное во времени, а чувство вражды описывается как перманентное, сущностное состояние, генетически присущее русскому народу, наделенному статусом «исторического врага».

Согласно резонному утверждению экспертов, дискурс секьюритизации, чтобы достичь цели, должен «резонировать с существующими конструкциями, присутствующими в коллективной памяти» (Gaufman, 2015, p. 143). Поэтому, многие на Западе решили, что «нашу страну надо «отменить» в буквальном смысле, то есть вычеркнуть ее из списков живых либо фигурально, путем полной изоляции, либо даже буквально, доведя дело до распада и прекращения национально-государственного существования» (Golosov, 2024, p. 15).

В этом противостоянии Россия – скорее обороняющаяся сторона, вынужденная защищать свои национальные интересы против Запада, который перешел в наступление в зоне своих интересов. Поэтому, как представляется, нынешний российско-украинский конфликт никогда не достиг бы такой остроты, если бы внешние силы, враждебные России, не поддержали идею эксклюзивного украинства, не поощряли стремление элит страны к членству в НАТО и ЕС и не способствовали приданию идее «Украина це Европа» формы абсолютно враждебной России. Как резонно отмечает управляющий директор, Института мира и дипломатии США (IPD-USA) Арта Мозейни: «Вопреки доминирующим западным нарративам, этот конфликт никогда не был связан с украинским суверенитетом или российским имперским завоеванием. Его первопричиной было расширение НАТО, которое Россия рассматривает как Глобальный Запад, расширяющий сферу своего влияния и несущий экзистенциальную угрозу. Поскольку продолжающаяся война фактически исключает эту возможность, Москва не «отчаянно» ведет переговоры и не будет делать этого, если ее проблемы безопасности не будут явно решены с помощью железных заверений о постоянном нейтралитете Украины»¹.

В целом же, продолжающаяся секьюритизация исторической памяти и политики идентичности, представляется одним из наиболее критичных факторов с точки зрения перспектив сохранения современного миропорядка, основанного на сообществе суверенных национально-территориальных государств, нерушимость и легитимность которого до недавнего времени обеспечивалась именно за счет согласованности и непротиворечивости исторической памяти держав-гарантов. Происходящий сегодня отказ от прежде представлявшихся незыблемыми принципов, от консенсуса в вопросах исторической памяти представляется важным симптомом острого кризиса этого миропорядка.

¹ Мозейни Арта (2025). Как президент Трамп может добиться прекращения огня между Россией и Украиной: Симпозиум. Институт мира и дипломатии США. <https://peacediplomacy.org/2025/02/12/symposium-how-can-president-trump-deliver-on-a-russia-ukraine-ceasefire/>.

References

- Assmann, A. (2006). Memory, individual and collective. In R. E. Goodin & C. Tilly (Eds.), *The Oxford handbook of contextual political analysis* (pp. 210–226). Oxford University Press.
- Assmann, A. (2009). "Plunging into nothingness": The politics of cultural memory. In L. B. Lambert & A. Ochsner (Eds.), *Moment to monument: The making and unmaking of cultural significance* (p. 35). Verlag.
- Bernhard, M., & Kubik, J. (2014). *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford University Press.
- Bull, H. (2002). *The anarchical society: A study of order in world politics* (3rd ed.). Palgrave.
- Carpentier, N. (2017). *The discursive-material knot: Cyprus in conflict and community media participation*. Peter Lang.
- Gaufman, E. (2015). Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 1(1), 141–174.
- Nora, P. (1994). Between memory and history: Les lieux de memoire. In G. Farbe & R. O'Meally (Eds.), *History and memory in African-American culture* (pp. 284–300). Oxford University Press.
- Neumann, I. B. (1998). Constructing Europe: Russia as Europe's other. In U. Hedetoft (Ed.), *Political symbols, symbolic politics: European identities in transformation* (pp. 75–98). Ashgate.
- Posen, B. R. (1993). The security dilemma and ethnic conflict. In M. E. Brown (Ed.), *Ethnic conflict and international security* (pp. 103–124). Princeton University Press.
- Rasmussen, M. V. (2003). The history of a lesson: Versailles, Munich and the social construction of the past. *Review of International Studies*, 29(4), 499–519.
- Saccarelli, E., & Varadarajan, L. (2015). *Imperialism past and present*. Oxford University Press.
- Assmann, A. (2014). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics] (B. Khlebnikov, Trans.). Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assmann, J. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Bauman, Z. (2019). *Retrotopiya* [Retrotopia]. VCIOM.
- Belinsky, A. V. (2024). Sosedi, partnery, konkurenty: Zapadnaya i Tsentral'no-Vostochnaya Evropa na perelome epokh [Neighbors, partners, competitors: Western and Central-Eastern Europe at the turn of eras]. *Aktual'nye Problemy Evropy*, 2(122), 28–48.
- Bushuev, V. V., & Nechaev, V. D. (2013). Istoricheskaya politika kak instrumental'naya sostavlyayushchaya natsional'nykh politicheskikh sistem: teoreticheskiy analiz [Historical politics as an instrumental component of national political systems: A theoretical analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*, 1, 3–22.
- D'Souza, D. (2015). *Amerika: Kakim mir byl by bez nee?* [America: What would the world be like without her?]. AST: Praym.

Fishman, L. (2024). *Neravenstvo ravnykh. Kontseptsiya i fenomen resentiment-ta* [Inequality of equals: The concept and phenomenon of resentment]. Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki.

Fukuyama, F. (2019). *Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The demand for dignity and the politics of resentment]. Al'pina Publisher.

Golosov, G. V. (2024). *Politicheskie rezhimy i transformatsii: Rossiya v sravnitel'noy perspektive* [Political regimes and transformations: Russia in comparative perspective]. Ruteniya. (In Russ)

Hobsbawm, E. J. (2002). Printsip etnicheskoy prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Evrope [The principle of ethnicity and nationalism in modern Europe]. In B. Anderson, O. Bauer, M. Hroch, et al., *Natsii i natsionalizm* (pp. 307–334). Praxis.

Lal, D. (2010). *Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok* [In praise of empires: Globalization and order]. Novoe izdatel'stvo.

Miller, A. I. (2020). Vtoraya mirovaya voyna v «voynakh pamyati» [The Second World War in the "memory wars"]. *Novoe Proshloe / The New Past*, 4, 222–231. (In Russ)

Moscovici, S. (1992). Ot kolektivnykh predstavleniy k sotsial'nym [From collective representations to social representations]. *Voprosy Sotsiologii*, 1(2), 83–95.

Nora, P. (1999). Mezhdru pamyat'yu i istoriey. Problematika mest pamyati [Between memory and history: The problematics of lieux de memoire]. In P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, & M. Winock, *Frantsiya-pamyat'* (pp. 17–50). Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.

Popov, M. E. (2015). Contemporary theories of ethnic identity conflict. *Political Expertise: POLITEX*, 11(1), 137–150. (In Russ)

Reshetnikov, A. (2024). *Pogonya za velichiem: Tysyacheletniy dialog Rossii s Zapadom* [The quest for greatness: Russia's millennial dialogue with the West]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ)

Ricœur, P. (2004). *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting]. Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.

Rizhkovskiy, V. (2012, June 10). Kak sdelany «bladlands»? [How are the "Bloodlands" constructed?]. *Ab Imperio*.

Rumyantsev, S. (2011). Geroicheskiy epos i obraz istoricheskogo vraga [Heroic epic and the image of the historical enemy]. In *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati: Sbornik statey* (pp. 319–334). Novoe izdatel'stvo.

Zherebkina, I., & Zherebkin, S. (2019). *Kiborg-natsionalizm, ili ukrainskiy natsionalizm v epokhu postnatsionalizma* [Cyborg nationalism, or Ukrainian nationalism in the era of post-nationalism]. Aleteyya.

Ferguson, N. (2013). *Empire: How Britain made the modern world*. Corpus.

Для цитирования: Ачкасов, В. А. Секьюритизация политики памяти как ресурс в борьбе на международной арене / В. А. Ачкасов // PolitBook. – 2026. – № 1. – С. 6-19. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-1-6-19.